

Легкий выбор

ИЗБУШКА НА КОСТАХ

КСЕНИЯ ВЛАСОВА

фэнтези

МИОС

Легкий выбор

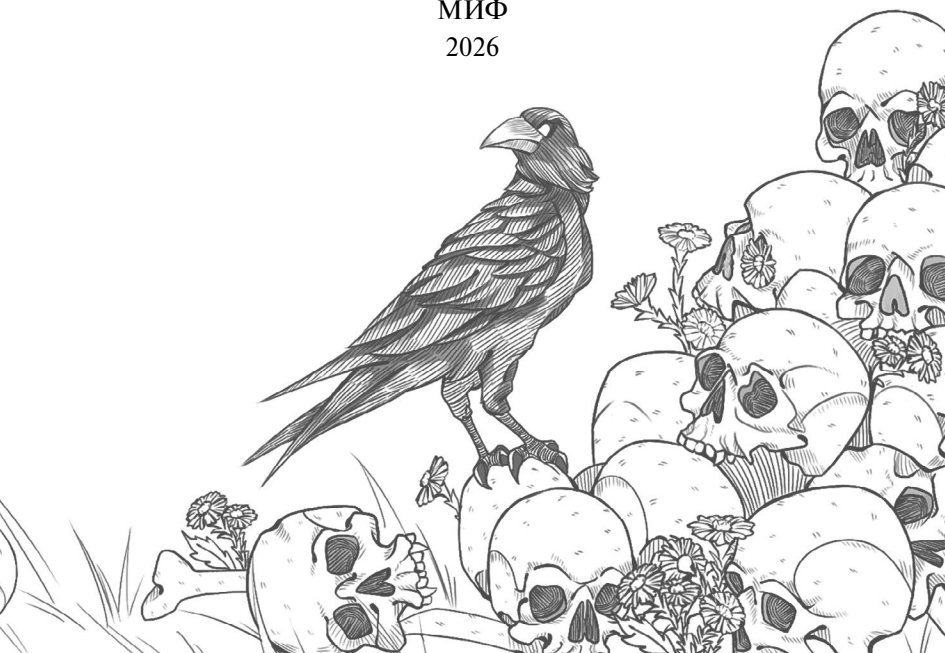
КСЕНИЯ ВЛАСОВА

ИЗБУШКА НА КОСТАХ

Москва

МИФ

2026

Маме,
с любовью.

Я не всегда понимала и принимала
те жертвы, на которые ты шла
ради меня, но я искренне благодарна
за каждую вещь, что ты сделала
для моего будущего.

Твоя любовь освещала мне путь
даже в кромешной темноте

Пролог

Я знал, что день нашей встречи станет началом моего конца. Каждый час, проведенный с тобой, лишь приближал меня к той черте, за которой нет ничего — только пустота и тьма. И все же, впервые увидев тебя, там, на берегу реки, я сделал решительный шаг навстречу. Меня тянуло к тебе с пугающей силой. Эта сила обожгла огнем легкие, так что дыхание сбилось. Все потеряло смысл, чтобы через мгновение засиять новыми, еще более яркими красками.

Настанет день, и я сгорю в твоём огне, исчезну, не оставив даже пепла. Но до этого мига я буду рядом. Я хочу держать тебя за руку, смотреть в твои глаза, считывать биение твоего сердца, отчаянно рвущегося из груди. Я хочу всей кожей ощущать теплоту твоего дыхания, когда ты склоняешься к моему уху, чтобы прошептать какую-то дерзость. Я хочу слышать твой смех, пугающий птиц на сосновых ветках, разносящийся по густому лесу и оседающий где-то в безоблачной синеве неба.

Я буду рядом, когда ты, подхватив юбки сарафана, решишь перейти измельчавшую после засухи реку. Ее холодные воды будут обжигать твои босые ноги, заставляя

шагать быстрее. Я протяну ладонь, чтобы ты ухватилась за нее, когда поскользнешься на гладкой гальке с острыми, обточенными быстрым течением краями.

Я буду рядом, когда ты измажешь губы сладкой земляникой, собранной на полянке за околицей деревни. Я дотронусь до твоего лица и осторожно уберу красный сок, чтобы позже, украдкой, облизать пальцы, еще хранящие тепло твоих губ.

Я буду рядом, когда ты заплутаешь в овраге, покрытом молодой жгучей крапивой, и сорвешь голос, попытаешь докричаться до подружек с лукошками грибов.

Слезы, смех, отчаяние, злость — я все разделю с тобой.

До того момента, пока однажды ты не поймешь, что мое время закончилось.

День моей смерти станет началом твоей жизни.

В день, когда умерла мама, я встретила его. Тогда я не знала, сколько обжигающей, как раскаленное олово, боли принесет наша встреча. Не догадывалась о том клейме, что останется на душе. Но даже если бы знала, не стала бы ничего менять. Да и не смогла бы. Есть вещи неотвратимые, как солнцеворот.

Матушка, расчесывая мои волосы тяжелым деревянным гребнем, часто говорила, что где-то далеко, за синим горизонтом, и где-то очень близко, буквально на груди за нательной рубашкой, есть то, что понять сложно. А можно лишь принять.

Ее мелодичный голос, похожий на журчание воды в чистом ручье, мягкие руки, пахнущие травами — горечью полыни, холодом мяты, сладостью ромашки,

пряностью душицы и чабреца, — нежные, ласковые, как теплый летний ветер, ее касания, когда она вплетала в мою темную косу красную ленту... Все это осталось в памяти отражением в беспокойной воде: за рябью едва угадывались предметы. Смутные образы, далекий шепот прошлого, пахнувшая травами темнота.

Но кое-что сохранилось. Куколка из дерева, размером с указательный палец. Перед тем как испустить последний вздох, мама позвала меня к себе — к печи, на которой она, даваясь кашлем, лежала последнюю седмицу.

— Возьми, — тихо сказала матушка. В ее ладони покоилась деревянная куколка. — Носи рядом с сердцем, под рубашкой. Никому не показывай. Береги куколку как зеницу ока, а она сбережет тебя. Раз уж я не смогу...

Кашель — громкий, отчаянный, выворачивающий нутро наизнанку — заставил меня испуганно отпрянуть, а затем заплакать и потянуться к матушке. На ее бледном, покрывшемся испариной лице не было румянца. Ярким пятном выделялись лишь огромные глаза — зеленые, как у меня. Цвет листвы, как говорила матушка. Цвет колдовства — шепотом вторили в деревне.

— Мама, — позвала я, прижавшись к ее плечу, и, не получив ответа, окликнула уже громче: — Мама, матушка!

Тогда дыхание смерти впервые коснулось меня. Мимолетно, лениво, ведь она пришла не за мной. Мне почудился шум крыльев, в приоткрытую дверь залетел ветерок, бросил в лицо горстку листьев и исчез, унося с собой душу мамы.

Боль вгрызлась в сердце, как голодная собака в кость. Перед глазами все поплыло, я рухнула на пол, едва не налетев спиной на лавку у стола. Плохо помню, что было

дальше. Вроде вышла во двор, кликнула отца, но вместо него показалась соседка. Наверное, она все поняла по моему лицу, потому что всплеснула руками и что-то крикнула. Я не услышала ни слова: мир звучал глухо, как бывает, когда с разбега прыгаешь в озеро и оказываешься под водой. Меня затопило то же ощущение потерянности и беспомощности: куда двигаться, в какую сторону грести? Что-то внутри меня, до этого лишь разгорающееся, полыхнуло, потребовало выхода, и я вдруг сорвалась с места.

Бежать, пока не начну задыхаться. Бежать, пока ноги еще могут с силой отбивать шаги, словно удары. Бежать, пока ветер не иссушит слезы. Бежать, бежать, бежать!

Я очнулась у реки. Матушка любила это место. На левом берегу она часто собирала травы — от кашля, от ломоты, от дурного сна. На правом стирала одежду. А еще часто бродила между тонкими березами, негромко напевая. И песнь ее напоминала беседу с природой — с деревом, с птицей, свившей гнездо, с промелькнувшим в кустах зайцем. У кустов я, зацепившись подолом за торчавший корень, и упала. Распласталась по земле, ударила лицом, расцарапала щеку. Но напугало меня другое — легкий треск в районе груди. Там, где под рубашкой покоилась деревянная куколка, подаренная матушкой.

Я, замерев от ужаса, подрагивающей рукой нащупала толстую бечевку, а уже после — подвязанную к ней куколку. Та не раскололась, но чуть треснула. Подтянув колени к груди, я обхватила их и принялась беззвучно выть. Ни один крик не смог бы выплеснуть ту боль, что сейчас, как лютой зверь, терзала меня.

В тот миг я увидела его. Он шагнул на берег, ступая по примятой мною траве.

Я помню тот миг, когда наши взгляды встретились. Мой — потухший, затуманенный слезами, и его — яркий, чуть задумчивый. В глазах темного меда на свету сверкнули желтые искорки. Рыжие, коротко обрубленные волосы отливали медью. На бледном лице с острыми скулами — ни намек на веснушки. Солнце никогда не отмечало его кожу своими поцелуями, словно опасаясь к нему приближаться.

Мне еще предстояло узнать, что не только солнце. Его вид, его манера двигаться, говорить пугали всех, с кем ему доводилось сталкиваться. Он словно нес за пазухой холодок, забирающийся под кожу каждому, кто попадался ему по пути. Но парня это не заботило. Я не сразу поняла: его не интересовал мир вокруг. Для него имело значение лишь одно — я.

Тогда он, заметив меня — беззвучно плачущую, в разорванном сарафане, с расцарапанной щекой, — лишь склонил голову, будто приветствуя, и двинулся дальше. Но далеко не ушел. Остановился в паре шагов от меня и нагнулся, чтобы собрать мелкие камни. Я знала, что ребятня в деревне меня не любит, а потому сжалась. Он был чужаком, но мог уже прознать про то, как меня кликали ведьминой дочкой. Его семья перебралась к нам недавно, а сам он сегодня впервые вышел из избы: мор, напавший на деревню, не обошел и его. Поговаривали, что он слишком худ, потому не выживет. Я даже имени его не знала, а теперь смотрела на то, как он катает в руке камешки — мелкие, острые, опасные. Я знала, что камни, пущенные в лицо, оставляют самые болезненные следы,

долго сходящие царапины, но не стала прикрываться ладонями. Почему-то впервые меня не страшила боль. Возможно, в тот день ее было уже слишком много.

Тишину нарушил глухой плеск воды. Парень стоял на берегу и бросал камешки в реку. Те, громко шлепая по глади, оставляли после себя расходящиеся все дальше по воде круги.

— Твой отец вернулся с поля, — не оборачиваясь, сказал он. — Тебя кличет.

Я кивнула, но губ не разжала. Отца я почти не знала: летом он работал от зари до зари, зимой уезжал на заработки в город. Я чувствовала, что с матушкой у них что-то не ладится, а меня он будто не то чтобы не любит — скорее, не замечает. А других детей, кроме меня, у них не народилось, братишка умер еще младенцем.

— Иди к нему, — продолжил рыжий парень и без перехода резко добавил: — Или боишься, сразу к родне сошлет тебя?

Я покачала головой, с удивлением понимая, что не боюсь. Как будто после смерти матушки меня уже ничего не пугало.

— Сошлет и сошлет, — наконец ответила я, по-прежнему сидя на земле. — Тоже мне, лиха беда.

Я не храбрилась. Правда не боялась, а потому слова слетели с языка уверенно, как недавно пущенные его рукой камни.

Он все-таки обернулся. Возможно, из-за того, что голыши в его ладони закончились. Он сунул руки в карманы холщовых штанов и, все еще не смотря на меня, сделал пару шагов и плюхнулся рядом. Я чуть дернула

носом. От его рубашки веяло мылом, а от волос — аиром. Теплый, древесный аромат. Матушка часто добавляла корни этой травы в чай. Говорила, аир несет чистоту и любую невидимую глазу хворь из воды изгоняет.

Над головой прожужжал толстый полосатый шмель и устремился к цветущему у воды телорезу с белоснежными лепестками. Солнце на небе уже катилось к горизонту, из леса, раскинувшегося прямо за левым берегом, доносились голоса девушек, ушедших днем по ягоды и грибы. Лето подходило к концу, время приготовлений к зимней стуже заканчивалось.

Я подумала о матушке, о том, что ее солнцеворот завершился, и облизнула верхнюю губу, соленую от слез.

— Ты смелая, — с уважением протянул рыжий. — Редко встретишь такую девицу.

Я чуть пожала плечами.

— Говоришь так, будто я тебе нравлюсь.

— Может, и так.

Я покосилась на него и слегка отодвинулась. Он усмехнулся — совсем чуть-чуть, краешком тонких губ.

— Я жениха не ищу.

— А мне невеста ни к чему.

Где-то вдалеке раздался голос сердобольной соседки, обожавшей совать свой нос в чужие дела:

— Василиса! Ва-си-ли-са!

Я вздрогнула, быстро вытерла мокрое лицо и потеряла исцарапанную щеку. Нужно возвращаться домой... Перед глазами снова возникла картина выбеленной печи с навсегда притихшей матушкой. Я громко сглотнула, но не заплакала. Слезы будто закончились.

— Значит, вот как тебя зовут?

Я обернулась, высматривая соседку. Ее мощный силуэт выделялся на фоне тонких берез.

— Да, только Васькой все кличут. Как кота.

Он снова усмехнулся. Уже более отчетливо. В темных глазах промелькнуло что-то и исчезло.

— Мне тоже не нравится мое имя.

— А тебя как нарекли?

Он поколебался и будто нехотя ответил:

— Иваном.

Я пробежала по нему быстрым взглядом. И пусть мысленно я уже ступила с соседкой на крыльцо и толкнула дверь избы, но все равно отметила, что на Ивана мой новый знакомый не походил. Дело даже не в рыжих волосах (отродясь у нас в деревне рыжих не было), а в том, как он смотрел, говорил. Чувствовалось в нем что-то чуждое, не наше.

Не Ванька он, словом.

Тот словно подслушал мои мысли.

— А ты бы как меня назвала?

— Василиса!!!

Я снова дернулась, растерянно оправила порванный сарафан, прикоснулась к груди, где покоилась куколка, и ненадолго задумалась.

— Не знаю.

— Скажи, что первое в голову взбредет.

Я нахмурилась. Он спросил настойчиво, даже требовательно, разве что за руку не дернул, чтобы привлечь мое внимание. И пусть мысли мои были заняты другим, я поняла, что не хочу огрызаться. Он мне понравился. Из-за рыжих ли волос, в которых вечернее солнце играло огненными всполохами, из-за темных ли глаз, глубоких

и притягивающих к себе, а может, из-за уверенности, которой сочились его движения и слова.

— Ну?

В памяти всплыла старая колыбельная. Ее напевала перед сном матушка. Слова она почти глотала — скорее мурлыкала, чем пела, — но одно всегда звучало отчетливо. Я уже не узнаю, что оно значит. Так пусть хоть сейчас оно обретет для меня смысл.

Я медленно подняла взгляд от измятой травы под ногами.

— Тимор. Я бы так тебя назвала.

Если парень и смешался, то ненадолго. Уже тогда он умел скрывать эмоции. Разве что дернул щекой, и я впервые заметила, что скулы у него острые.

— Почему?

— Звучит чуждо, как иноземная ругань.

Он рассмеялся — негромко, но искренне. Ему понравился мой ответ.

— Пусть так. Можешь звать меня Тимом.

— Василиса!!!

Окрик соседки раздался совсем рядом. Времени на болтовню уже не оставалось.

— Хорошо, — торопливо сказала я и протянула ладонь. — Будем знакомы.

Он, не раздумывая, пожал мою руку. И, смотря мне в глаза, тихо ответил:

— Я рад нашей встрече.

Миг, всего лишь короткий миг, пока мы глядели друг на друга — неотрывно, почти не дыша, — я помню до сих пор. Словно время замерло, встало, как поломавшийся ткацкий станок, и сквозь кусок тонкого, развевающегося

на ветру льняного полотна я увидела что-то другое — сплетение нитей, узор самой ткани, не внешний, а внутренний. Саму суть, скрытую от глаз. С моих губ слетел рваный вздох, я будто на мгновение что-то поняла, но тяжелая, грубая от бесконечной работы рука, легшая на мое плечо, вырвала из потока мыслей, слишком невесомых, как крылья бабочки, а потому почти неуловимых.

— Василиса, идем.

За спиной оказалась соседка. Она громко запричитала, спугнув птиц, клевавших ягоды рябины. Я позволила себя увести. Зашагала, часто оглядываясь, пока берег с рыжим парнишкой не исчез из виду.

— Ох, горе-то какое! Матери так рано лишиться. Со всем ты одна осталась, кровиночка! Отец, знамо дело, скоро новую жену в дом приведет.

Я не ответила, молча сжала деревянную куколку на своей груди. С каждым шагом плечи все больше расправлялись, будто я готовилась к новой, совсем иной жизни. Той самой, сиротской — полной испытаний и тревог.

Впереди меня ждала зима — тринадцатая по счету.

Тогда я еще не знала, что в тот день, когда матушка умерла, я обрела кое-что другое — любовь, полностью изменившую меня.

Любовь, имя которой я выбрала сама.

